

Н.А. Чепрасова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Томский государственный педагогический университет

Множество публикаций в научных журналах и несколько сборников, посвященных гражданскому обществу, на первый взгляд, представляют собой большое количество точек зрения на проблему становления его в России. Из-за непродолжительного периода обсуждения данной темы является сложным выявить среди них обобщающие моменты, на основе которых можно дифференцировать отдельные исследовательские школы и направления исследований. Отношение современных отечественных мыслителей к возможности и условиям существования гражданского общества в России можно свести к их приверженности «акультурному» или «культурному» типу теорий современности. Наиболее подробно эти типы описаны в книге Б.Г. Капустина «Современность как предмет политической теории», 1998 г.

«Акультурные» теории основаны на абстрагировании от комплекса гео-историко-культурных обстоятельств и поэтому описывают современность в нейтральных понятиях по отношению к рассматриваемой культуре. Данные понятия отражают не собственное изменение последней из одного состояния в другое, «но осуществление некоторых закономерностей, принципов или формирование определенных институтов, являющихся универсальными, способными трансформировать любое “традиционное общество”» [1, с. 80]. Таким образом, речь идет об ориентации на определенные аналитические элементы, с помощью которых можно познать любую действительность.

«Акультурные» теории предполагают заданность не только направления исторического движения обществ, но и конечного «пункта назначения». В результате появляется концепция «переходного общества», где настоящее не имеет самостоятельной ценности и изучается лишь в той мере, в какой оно способствует осуществлению ожидаемого будущего [1, с. 122, 132–133]. Происходит анатомическое расчленение живого настоящего, и оно превращается в мертвые «факторы», «предпосылки» или «помехи» для некоего нового состояния.

Запад для «акультурной» теории – институциональная модель, степень приближения или удаления от которой и является главной заботой [1, с. 128].

Находясь в рамках данной парадигмы, отечественные исследователи (Л. Пияшева, В. Селюнин) при анализе гражданского общества исходят из представления о единственности западного пути, с которого не надо сворачивать, а взять за образец и не приду-

мывать ничего нового, иначе произойдет впадение в безумные утопии. Следовательно, становление гражданского общества в России является насущной необходимостью и должно происходить путем введения тех же, что и на Западе, норм и институтов.

В оппозиции к этой теории находятся «культурные» теории современности. Они исходят из предпосылки, что каждый человек соткан из определенных культурных символов. Последние опосредуют взаимодействия людей и условий их жизни. Следовательно, изменения должны быть объяснены из собственного культурно-исторического контекста, а не из внеконтекстуальных универсальных законов. Философы говорят о необходимости поиска в идеях, определяющих политику, «таких коллизий, мутаций, преобразований, которые обусловили ее изменения». «Сдвиги ментальности», таким образом, становятся источниками «энергий изменений» [1, с. 273]. Следовательно, «культурные» теории берут своей «точкой отсчета» «качественные» характеристики человеческой и общественной жизни и в их свете рассматривают появление и функционирование социальных институтов [1, с. 133].

Основываясь на данных представлениях и исходя из того, что формы внешней самореализации человека могут быть поняты как проявления его глубинного метафизического опыта, отечественные исследования можно разделить на два направления.

Представители первого дают негативный прогноз возможности становления гражданского общества в России (З.А. Грунт, Г.Л. Кертман, С.В. Патрушев). Они рассматривают его как исключительно западную специфику выражения системы общественных отношений и связей, основанных на качественно ином типе сознания. Гражданское общество вырастает не просто в силу гражданских потенций, но благодаря долгому и упорному труду человека вместе с культурой. В рамках западного ареала происходило уникальное взаимодействие и взаимоналожение цивилизационных обстоятельств (опыт античного полиса, римское право, протестантские общины и т.д.), которые способствовали созданию уникального продукта. Им стало гражданское общество как западная форма саморегуляции и интеграции.

Социальные философы обращают внимание на разные аспекты, доказывая малоэффективность попыток скопировать институты гражданского общества в странах, не имеющих соответствующих трансценден-

тальных оснований. Большинство подчеркивают религиозные корни представлений о гражданском обществе. На Западе религия, ставшая частью народной души, ее преобразившая, но и ею преобразенная, оказалась значимым социальным явлением. Протестантские ценности из глубокой духовной интенции превратились в моральные, идеологические основания деятельности западного человека. Духовная традиция, сложившаяся в лоне протестантизма, несет в себе совершенно иное понимание личности, нежели православие. Другие философы противопоставляют гражданскому обществу идеал соборности, миф о чрезвычайной «экстенсивности» душевных качеств русского народа и о «вечно-бабьем». Третьи сосредоточивают внимание на исконной чуждости «рационализму» (западному) и отсутствии уважения к закону, его формальности и гибкости – «суду по закону предпочитали суд по совести» (А. Зубов), в отличие от Запада, где законы существуют независимо от общества и даны как бы извне. Четвертые акцентируют внимание на психологии уравниательства и коллективистском сознании, с его индивидуальной инфантильностью и безответственностью, которые влекут за собой ощущение социальной слабости, отсутствие этики успеха и достижения, сыгравших большую роль на Западе, а также формируют представления о справедливом обществе как свободном от различий между людьми.

Отсюда появляется утверждение о том, что гражданское общество «несовместимо с народным менталитетом россиян». Типичные для исторически сложившегося социотипа русского человека черты отрицают «западные нормы политической жизни», и поэтому гражданское общество, в обозримом будущем, вряд ли найдет адекватное воплощение в отечественной политической практике.

Методологически представители как «культурных», так и «акультурных» теорий претендуют на взаимоисключающую компетентность, т.е. радикальны в отношении объекта исследования. Последователи «акультурных» теорий рассматривают Россию в парадигме содержательной вторичности и проживания «вчера» Большого Мира. Утилитарное выстраивание прошлого в ряды «стадий истории» предполагает «проектный» подход к действительности, который влечет за собой ориентацию на «универсалии», необходимые для становления гражданского общества, т.е. репрессию инаковости и своеобразия. А ведь, говоря словами Р. Дарендорфа: «„Дорога к свободе“ (которую прокладывает в том числе и гражданское общество) – это не определенная система, а работающий механизм выбора альтернатив» [2, с. 71]. Как следствие, в рамках «акультурных» установок расцветает миф о несущественности культурных контекстов.

Данные теории занимаются изучением атрибутов гражданского общества, которые вторичны по отношению к его сущности. За описанием институтов совершенно теряются живые люди. Разумеется, как социально-экономические факторы, так и структурные и процедурные усовершенствования имеют значение в формировании данного состояния общества. Но гражданское общество – понятие не юридическое, а духовное и энергичное. Оно не какой-то рыхлый конгломерат разобщенных социальных элементов, а единое проявление во множестве, его гармоничное равновесие, скрепленное духом корпоративности.

Взгляды современных славянофилов также весьма спорны. Настоящее действительно базируется на прошлом, но настоящее есть всегда в известном смысле отрицание этого прошлого. Беспочвенна чистая «русскость»: отстраняясь от западного, она тем самым обрекает себя на самоизоляцию от мира и лишает полноты сил. Для Р. Дарендорфа достоинство «либеральных революций» в том, что оно позволяет освобождающимся от коммунизма народам вновь открыть такие необходимые европейские идеи, как конституционализм, гражданское общество и т.д. [1, с. 40], т.е. не имеет смысла отрицать опыт развития и культурные достижения западных стран.

Таким образом, наиболее адекватным современному состоянию общества представляется второе направление «культурных» теорий, которое дает позитивный прогноз возможности становления гражданского общества в России.

Представители данного направления (Б.Г. Капустин, В. Волков, А. Галкин, Г.Г. Дилигенский, А.Б. Зубов и др.) исходят из того, что гражданское общество не имеет общего сценария становления (западного или иного). Оно многообразно проявляется в разных историко-культурных контекстах. Сколько бы резкими и грубыми ни были разрывы с прошлым, на всех ступенях развития интегрируются основополагающие особенности предшествующих этапов. Значит, опыт отдельной западно-европейской страны нельзя просто спроецировать на особенную историю и философию нашего народа. Другой социокультурный контекст, иные исторические традиции приводят к модификации местных форм гражданского общества, но не отрицают западно-европейскую концепцию и опыт. Требуется поиск соответствия между традициями, «кросс-культурный перевод» (Волков).

Другими словами, необходимо не противопоставлять универсальные положения российскому менталитету, а мобилизовать ресурсы последнего на то, чтобы создать такую политико-нравственную инфраструктуру, при которой в России действительно сможет себя проявить гражданское общество.

Литература

1. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998.
2. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопр. философии. 1990. № 9.